

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)522:83.3

Светлана Дмитриевна Титаренко

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

Поэтика прозы Вячеслава Иванова конца XIX-начала XX в.: художественная философия и открытие эстетизма¹

Аннотация. Дан анализ поэтики ранней философской прозы теоретика русского символизма Вячеслава Иванова 1880-х – начала 1900-х гг. Эта проблема является малоизученной и требует рассмотрения на основе междисциплинарного исследования. Анализируются материалы из архива писателя и публикации, отражающие развитие его прозы, характеризующейся синтезом философского, религиозного и художественного начал, характерным для поэтики русского символизма. Рассматриваются тексты ранней прозы Иванова и фрагменты из его так называемого «Интеллектуального дневника», религиозно-философские и литературно-критические эссе и другие сочинения. В центре внимания находятся принципы формирования метафизического дискурса, а также жанровые особенности ранней прозы Иванова, для которой характерна эссеизация и усиление роли философских фрагментов. Проводится сравнение раннего творчества Иванова с его прозой начала 1900-х гг., опубликованной в журнале «Весь». Делается вывод о том, что для Иванова характерен поэтико-культурно-философский дискурс и тезаурус как основа метафизического языка образов. Отмечены важные составляющие этого дискурса, такие как принципы античной эстетики мысли и «оживления» слова на основе различных приемов иносказания, а также эстетизм как один из способов философского познания и эстетического отражения «чувственного» мира. Отмечается большое значение текстов Ветхого и Нового Заветов, сочинений Аристотеля, Платона, Б. Паскаля, И.-В. Гете, В. Соловьёва, Ф. Ницше для развития метафизического языка прозы Иванова. Делается вывод о том, что ранняя проза писателя является результатом развития индивидуального авторского стиля и отражает феноменологию символистского сознания.

Ключевые слова: проза Вячеслава Иванова, поэтика философской прозы, античная эстетика мысли, платонизм, «положительная эстетика» В. Соловьёва, философия Ф. Ницше, эстетизм, поэтико-культурно-философский дискурс, тезаурус

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)». <https://rscf.ru/project/23-28-00514/> ИРЛИ РАН. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00514 “Vyacheslav Ivanov’s Scientific and Pedagogical Legacy (Little-Known Articles and Unpublished Materials)”. <https://rscf.ru/project/23-28-00514/> Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Dmitrievna Titarenko

Saint Petersburg State University, Doctor of Philology, Professor of Chair of History of the Russian Literature, Russia, Saint Petersburg, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

Poetics of Prose of Vyacheslav Ivanov of the End of the 19th – Beginning of the 20th Century: Artistic Philosophy and the Discovery of Esthesis

Abstract. This paper is the study of the early philosophical prose of the Russian symbolism theorist Vyacheslav Ivanov during the period of the 1880-s–1900-s. This issue has been understudied and requires approach based on interdisciplinary methods. The materials from the writer's archive and publications reflecting the development of his prose, characterized by a synthesis of philosophical, religious and artistic principles characteristic of the poetics of Russian symbolism, are analyzed. The materials analyzed include early prosaic sketches of Ivanov, fragments of his so-called Intellectual Diary, religious, philosophical, literary and critical essays, articles and other works. Emphasis is placed on the principles of forming a metaphysical discourse, as well as the genre dynamics of Ivanov's early prose, which can be characterized by essay type of writing and the increasing importance of the philosophical parts. These works are compared to his prose of the early 1900-s published in the "Vesy" journal. It is concluded that Ivanov's prosaic manner is characterized by the poetic and cultural discourse and his thesaurus is based on the metaphysical language of images. The important components of this discourse include principles of ancient aesthetics of thought and the revitalization of text via various metaphors. A vital role is played by esthesis as one of the methods of philosophical perception and aesthetic reflection of the sensual world. The texts of the Old and New Testaments and the Christian tradition prove to have an essential impact. The influence of works by Aristotle, Plato, B. Pascal, J. W. Goethe, V. Solovyov, F. Nietzsche on the development of metaphysical language of Ivanov's prose is noted. The conclusion is made that the author's early prose is the result of attaining an individual style, reflecting the phenomenology of the symbolist consciousness.

Key words: Vyacheslav Ivanov's prose, poetics of philosophical prose, ancient aesthetics of thought, Platonism, Solovyov's "positive aesthetics", Nietzsche's philosophy, esthesis, poetic and cultural-philosophical discourse, thesaurus.

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.168-182

Проблема становления философской прозы поэта и теоретика русского символизма Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) в ранней период его творчества, связанный с жизнью поэта в Германии, а затем и в других странах Европы в 1880-е – начале 1900-х гг. еще недостаточно исследована. Вместе с тем ранняя проза поэта является лабораторией его индивидуально-авторского стиля и отражает процесс формирования символистского сознания. Как поэт он стал известен после появления его книг стихов «Кормчие звезды» (1903 г.) и «Прозрачность» (1904 г.), как прозаик – в это же время, начиная с его лекций по религии Диониса в 1903 году в парижской Высшей школе общественных наук. Язык парижских лекций Иванова вызывал непонимание даже у символистов. Д.С. Мережковский 20 марта 1903 г. писал ему: «А пока "Афоризмы", разумеется, присылайте, а также "Религию страдающего Бога". Последнее по теме нам чрезвычайно подходит. Об одном только очень просим: как можно

понятнее, проще, наивнее!» [1, с. 81]. Современников поражало, что тип исследовательского дискурса у Иванова был трансформирован в поэтико-культурно-философский и основывался на небывалом синтезе научно-исторического и религиозно-философского начал при доминировании особой риторической манеры, осложненной обилием различных экскурсов и лирико-философских вставок, использованием языка символов и мифологических сюжетов, иносказаний, аналогий, сравнений и небывалого в русской словесности применения «чужого слова». С.С. Аверинцев, публикуя его избранные религиозно-философские сочинения, определил это явление как «переживание трансперсонального» и сведение «разноречия к единству и цельности»².

Для изучения поэтики философской прозы Иванова большой интерес представляет его раннее малоизученное творчество 1887–1890-х гг. Часть текстов была опубликована исследователями как условно названный «Интеллектуальный дневник 1888–1889-х годов»³. Находящаяся в архиве рукописная «Тетрадь стихотворений и прозаических этюдов 1887 г.» Иванова⁴ включает наброски разнородных текстов, которые частично публиковались как «Прозаические этюды»⁵. Некоторые тексты были изданы отдельно⁶. По нашему предположению, указанная «Тетрадь...» – это начальные записи все того же «Интеллектуального дневника», которые не были учтены Н.В. Котрелевым⁷, так как здесь есть общая система датировок и в них прослеживаются проблемно-тематические переключки. Но главное, что следует также учесть, – это установка на создание языка философской прозы.

Целью нашего исследования является возможность показать, что синтез научного, философского, религиозного и художественного начал осуществляется у писателя уже в ранней прозе. Одним из объединяющих принципов, как нам представляется, становится *эстетизм* как культурная модель философского мышления, берущая начало в античности и прежде всего в платонизме. Эстетизм, как и сформировавшиеся на его основе *топосы мысли*, свидетельствует о становлении у Иванова принципов *феноменологии образно-символического со-*

² См.: Аверинцев С.С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл. и примеч. С.С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. С. 17 [2].

³ См.: Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг. / подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана // Вячеслава Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 10–61 [3].

⁴ См.: Иванов Вяч. Тетрадь стихотворений и прозаических этюдов 1887 г. // РО РГБ. Фонд 109. Карт. 1. Ед. хр. 33[4].

⁵ См.: Иванов Вяч. Прозаические этюды / подгот. текста С.Д. Титаренко // Русская литература. 2011. № 4. С. 45–50 [5].

⁶ См.: Иванов Вяч. О типическом / публ. М.К. Гидини // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 21–26 [6]; Иванов Вяч. Евреи и русские / публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 182–190 [7]; Иванов Вяч. Осенние мысли / публ. С.Д. Титаренко // Символ. Париж–Москва, 2008. № 53–54. С. 66–67 [8].

⁷ См.: Титаренко С.Д. Из ранней прозы Вячеслава Иванова 1887 года (к проблеме истоков «Интеллектуального дневника» 1888–1890-х годов) // Русская литература. 2011. № 4. С. 40–41[9].

знания как способа мышления, развивающегося от чувственного и данного в переживании эстетического опыта к онтологизации символа и его метафизическому смыслу: *a realibus ad realiora* (от реального к сверхреальному). Эти принципы он будет отстаивать в период расцвета символизма, но начало их формирования приходится на досимволистский период его творчества.

Это обусловлено тем, что одна из особенностей ранней прозаической манеры поэта заключается в формировании у него еще в 1880-е гг. метафизического мышления и принципов художественной философии. Причинами этого явились стратегии обновления практик письма, наметившиеся в европейской и русской мысли, например у Ф. Ницше или В. Соловьева. Исследователи объясняют трансформацию философской прозы на рубеже веков «неоромантической установкой» Соловьева, который сделал целью развития языка философии «*синтезм, цельность, эстетизм*, переходящую в мистицизм *религиозность*», «заложив фундамент “религиозно-философского ренессанса”»⁸. О знакомстве с сочинениями Соловьева «Критика отвлеченных начал» (1877–1880 гг.), «Философские начала цельного знания» (1877 г.) и другими свидетельствует уже ранняя интеллектуальная проза Иванова 1888–1889 гг.⁹, а также его письмо к А.М. Дмитревскому этого же периода.¹⁰

В «Критике отвлеченных начал» Соловьев пишет о наступившей эпохе «великого синтеза», когда познание не может формироваться только философским путем, так как важно «осуществление положительного всеединства в жизни, знании и творчестве»¹¹. Основная идея мыслителя – это универсальный синтез науки, философии и религии. «Этот великий синтез, – пишет он, – не есть чья-нибудь субъективная, личная потребность; недостаточность эмпирической науки и бесплодность отвлеченной философии, с одной стороны, а с другой стороны, невозможность возвратиться к теологической системе в ее прежней исключительности, необходимость развить и восполнить мистическое начало элементами рациональными и природными – реализовать его как всеединое – все это ясно осознано умом человечества...» [12, с. 14–15].

Соловьев привлекал и своей манерой философствования. Отмечая его литературный дар, основанный на идеях синтеза, В.В. Зеньковский писал, что он все же был близок «к французскому философскому стилю», так как был склонен «к рационализму, к логическим конструкциям, к диалектическому связыванию разнородных идей...»¹². Манеру философствования Иванова, как и А. Блока или А. Белого, отличает не только соединение философского, религиозно-эстетического и художественного, но и появление образов-понятий, обра-

⁸ См.: Ныкл Г. Жанровая поэтика философской прозы // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 708 [10].

⁹ См.: Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг. С. 30, С. 57.

¹⁰ См.: Иванов Вяч. Письмо к А.М. Дмитревскому // РО РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 30. л. 2 об. [11].

¹¹ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Полное собрание соч. и писем в 20 т. Соч. Т. 3. 1877–1881. М.: Наука, 2001. С. 11 [12].

¹² См.: Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, 2001. С. 458 [13].

зов-идей, образов-мифологем, что было присуще уже философии Соловьева. Но принципиальным отличием является дальнейшее развитие этого явления и трансформация философского текста в аналог *символистского текста искусства*. Это то, что австрийский славист А. Ханзен-Леве определил как «лирическое теоретизирование» или вид «ауторефлексивного теоретического дискурса», при котором «теоретические термины (религиозные, научные, поэтологические и др.) становятся поэтическими символами». ¹³ Можно назвать это явление художественной философией.

Иванов осуществляет замену рациональных моделей мышления субъективистскими и мифопоэтическими, используя такие философские жанры, как исследование, трактат или эссе (вслед за Соловьевым), но преимущественное значение в его раннем творчестве имеют философские фрагменты, наброски, мысли и этюды дневникового характера. Импульсом к этому стали также его исследования, посвященные культуре древнегреческого бога Диониса, и увлечение идеями Ницше. Г. Карпи, публикуя набросок Иванова «О многобожии», предшествующий лекциям о религии Диониса, пишет, что «в 1894–1896 гг. мы видим его еще колеблющимся между соловьевской экклезиологией, шопенгауэровским пессимизмом и “вульгарным” ницшеанством, а с декабря 1901 г. до весны следующего он уже в Афинах собирает документацию о Дионисовых культах» [15, с. 27]. Идея кризиса истории и религиозного сознания обратила Иванова к религиозно-философским моделям мышления. Одной из таких культурных форм мышления становится для него *эстезис*.

Под эстезисом понимается способ философствования, основанный на замене рационального и понятийного мышления представлением в наглядно-чувственном образе. Анализируя понятие эстезиса, И.А. Кребель пишет, что под ним «и под тем пространством, которое им формируется (под пространством эстетического), следует понимать не столько теорию, не столько философию культуры или философию искусства, сколько искусство, культуру как специфическим образом обналичивающую себя философию или *философию – искусством*»¹⁴. Эстезис трактуется также «как энергичный исток эстетического отношения», что открывает возможность «множественности смыслов»¹⁵. Поэтому в русле философской рефлексии мысль становится предметом образно-символического изображения, что соотносится с топосом мысли Ницше о жизни как эстетическом феномене или идеей эстетического преображения красотой Соловьева и соответствует теургической эстетике русских символистов.

Эстезис как образно-символическое или чувственно-мифопоэтическое воплощение философской идеи или метафизического познания часто встреча-

¹³ См.: Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм: пер. с нем. СПб.: Академический проект, 1999. С. 9–10 [14].

¹⁴ См.: Кребель И.А. Эстетический статус мысли в культуре русского модерна: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2012. С. 18 [16].

¹⁵ См.: Грякалов А.А. Эстетика встреч: эстезис- субъект- свидетель- утверждение // Terra Aestheticae. 2019. № 2(4). С. 89 [17].

ется в диалогах Платона. Это образ круглого человека для истолкования андрогинности в «Пире» (189 е) или символический образ крылатой души в диалоге «Федр» (249 е), который важен для истолкования анамнесиса. Яркий пример эстезиса как аналогии – отождествление космоса с живым существом, наделенным душой, в диалоге «Тимей» (30 b-d). Конспект фрагмента «Тимея» на древнегреческом языке сохранился в архиве Иванова¹⁶. Прозрение «высших реальностей» – центральная проблема диалога «Федр». Сброшюрованный текст диалога «Федр» также имеется в ивановском архиве с записями на полях и пометами в тексте, что свидетельствует о неоднократном к нему обращении¹⁷. О восторженном отношении к Платону Иванов пишет уже в конце 1880-х гг.¹⁸ На платонизме основана теория реалиоризма (реалистического символизма) Иванова, восходящая к «идеям», или «эйдосам», Платона, на что он указал в статье «Две стихии в современном символизме» (1908 г.) как теоретик символизма. Идеи Платона, как пишет он, «суть res realissimae, вещи воистину», в истолковании более поздних мыслителей они превращаются в «понятия», «в формально-логическом или гносеологическом смысле»¹⁹.

Метафизика Иванова вслед за Соловьевым формировалась на основе целого ряда источников. Ее корни исследователи усматривают в платонизме и неоплатонизме, христианской мистике и классической немецкой философии²⁰. Истоки эстезиса как формы философской мысли находят в пифагорейской философии, сочинениях Аристотеля, Платона, средневековой и классической немецкой философии. В «Метафизике» Аристотеля намечается переход от эстезиса к ноэзису и полемика с Платоном о равнозначности чувственного и рассудочного опыта, которая имела существенное значение в философской традиции от неоплатоников до Средневековья и немецкого идеализма, как пишут исследователи²¹.

Иванов, будучи студентом Берлинского университета, изучал основы поэтики Аристотеля под руководством профессора И. Фалена (J. Vahlen, 1830–1911). «Критические анализы Фалена меня увлекали ..., а равно слушал философию и разбирал Метафизику Аристотеля у Целлера», – пишет он в «Автобиографическом письме» [23, с. 17]. Профессор Э. Целлер (E. Zeller, 1814–1908) преподавал историю философии в университетах Бонна, Марбурга, Берлина, был богословом и ученым-антиковедом, вел семинары по древнегре-

¹⁶ Иванов Вяч. Выписка из «Тимея» // РО ИРЛИ. Ф. 607. № 128. Л. 1 [18].

¹⁷ См.: Титаренко С.Д. К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 402–413 [19].

¹⁸ См.: Иванов Вяч. Письмо к А.Д. Дмитревскому. Л. 4.

¹⁹ См.: Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Вячеслав Иванов. Собр. соч. По звездам. Кн. 1. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. С. 170 [20].

²⁰ См. об этом подробнее: Максимов М.В., Максимова Л.М. Метафизические искания В.С. Соловьева (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.) // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 5165 [21].

²¹ См. об этом: Круглов В.Л. Эстезис и эстетическое: истоки и клише традиции // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 32–35 [22].

ческой философии в годы обучения Иванова в Берлинском университете и был известен своими комментариями к сочинениям Платона и Аристотеля. Иванов занимался в его семинаре изучением «Метафизики» Аристотеля целый семестр с 16 октября по 15 марта 1887–1888 гг., о чем говорит перечень курсов, которые были включены в программу его обучения²². Аристотель намечает в «Метафизике» такую форму знания, как «первая философия», когда «духовным зрением» определяется сущее. А.Ф. Лосев писал, что «в XII книге “Метафизики” ... имеется уже целое учение о боге, которое является не столько богословским, сколько чисто философским, потому что бог отождествляется здесь с космическим Умом» [25, с. 392]. Пример понимания Ивановым эстезиса находим в записях из его «Интеллектуального дневника», где он обратил внимание на иносказание, используемое как аналогия философской мысли:

«Я показал Целлеру место Аристотелевской Метафизики, где автор, вдруг изменяя сухой тон диалектики на тон внутренне убежденный и поэтический, вспоминает об идущей от древних вере, что *περίεχει τό θεῖον τήν ὄλην φύσιν*.

Какой-то старый забытый стих забытого поэта переплелся с силлогизмами философа.

Целлер сказал, что это излюбленная, всюду встречаемая мысль древних: “божественное держит мир в объятиях”» [3, с. 15].

С именами Платона и Аристотеля связаны поиски формы для воплощения мысли в раннем творчестве Иванова. Так, в наброске «О форме», датированном 1887 годом, он писал о том, что «Аристотель предчувствовал значение формы» и «форма стоит в тесной и таинственной связи с сущностью вещей»²³. У Иванова, как и в русской религиозной философии, эстезис мог использоваться для стилизации²⁴ или выступать в форме сравнений, аналогий, видений, «чужого слова». С.С. Аверинцев писал, что «русская лексика для понятий абстрактного философского теизма (или деизма) исторически не раз оказывалась недостаточной...»²⁵. Например, в структуре указанной выше рукописной «Тетради...», на которую уже было указано, свободная эссеистичность, близкая Паскалю, проявляется в таких стилизованных набросках Иванова, как *Les extrémités se touchent...*, «О благочестии», «Усталость». Примечателен также набросок «Призраки», имеющий религиозно-мистический характер. Тема могла быть навеяна «Посвящением» к трагедии И.В. Гете «Фауст».

Раннюю художественную прозу в «Тетради...» составляют рассказы и этюды, основанные на вере и безверии, любви и смерти, вечном и случайном в

²² См.: Wachtel M. Вячеслав Иванов – студент Берлинского университета // *Cahiers du Monde russe*. 1994, Janv.–juin. P. 353–376. P. 364 [24].

²³ См.: Иванов Вяч. Прозаические этюды. С. 47.

²⁴ См. об этом: Любимова Т.Б. Стилизация как способ философствования в России // *Начала*. 1994. № 2–4. С.203–213 [26].

²⁵ См.: Аверинцев С.С. Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis*. XXI. 2002. Vol. 1. Salerno: Università di Salerno, 2002. P. 12–13 [27].

жизни человека, например *Sonata pathétique* и «Даниил». Образцы художественной прозы (рассказы «Женский бюст» и «Три встречи (Сюжет)») имеются и в структуре опубликованного «Интеллектуального дневника». Художественная проза Иванова интересна с точки зрения постановки метафизических проблем, которые могут раскрываться в форме эстетизированного образа. Например, рассказ *Sonata pathétique* основан на диалектике метафизических проблем свободы и несвободы, добра и зла, веры и безверия в сознании героя – протестантского священника. «Он говорил, что его протестантизм дает ему великую свободу мысли и сомнений, – пишет Иванов. – Но он старался не колебать своей мыслью престола Божия. Его преследовал призрак зла, и он улавливал черты его в каждой улыбке людского лица, не в одном пороке и преступлении, но в каждой мысли сладострастия, в каждом порыве непосредственного веселья. Он говорил, что не может делиться душой между миром и Богом, что мир должен исчезнуть пред Богом, скопище зла и сладострастия должно раствориться и погибнуть в великом океане небесного света и чистого добра...» [4, л. 1–2]. Просветление героя наступает после эстетизированного образа-видения Христа. В прозаическом этюде «Осенние мысли» эстезисом является визионерский образ готического собора как воплощение идеи теургии.

Прозаические тексты в структуре «Интеллектуального дневника» можно условно разделить на несколько групп. Это философские размышления о сущем, бытии, творении, религии и тайнах религиозного сознания, историософские суждения об историческом процессе и общественном устройстве, сюда же примыкает набросок статьи «Евреи и русские», написанный по поводу книги Соловьева «История и будущность теократии» (1887 г.). Отдельную группу составляют дневниковые заметки, к которым можно отнести планы сочинений (поэмы «Иуда» или «Теомахии»). Следующая группа – лирические этюды, представляющие собой проективное открытие эстезиса, который может быть в будущем реализован в лирике. И наконец, немаловажное значение играют тексты литературно-критического типа (о Толстом, о Достоевском) и связанные с ними литературно-эстетические наброски в форме статей, например «О типическом» (14 апреля 1889 г.).

Иванов исследует эстетическое воплощение идеи, указывая на творчество Гете и приводя в пример образы Нужды и Заботы из второй части «Фауста». «Ибо типическое есть абстрактное, и сфера отвлечения почти безгранична», – пишет он [6, с. 23]. Эталон эстетического, по его мнению, дан в сочинениях Гете, так как в нем были соединены ученый и поэт. Он утверждает: «Сущность же эта не могла быть по самой своей природе отвлечением только отдельных признаков существующего, но отвлечением некоторой группы связанных между собой признаков. Таковы наиболее плодотворные типические абстракции. Они доставляют действительное эстетическое наслаждение, потому что имеют внутреннюю жизнь» [6, с. 24]. Примером, важным для понимания эстезиса как «оживления» языка понятий образом, является запись от 20 апреля 1889 г., примыкающая к наброску «О типическом»:

«Вещи в природе таковы, что на каждую из них можно смотреть с весьма многих сторон и что каждая из них указывает (implicite) на весьма многие другие вещи и явления. <...> Бывают выражения, в которых, быть может, бессознательно, выражающий употребляет или такие образные подробности, или такие образные слова, или такие особенные звуковые соединения, которые вызывают в слушателе мысли и образы, прямо или сознательно не связанные с тем, что нужно выразить, но которые однако внутренне оказываются родственными с ним, расширяют и углубляют впечатления, придают сказанному как бы двойной скрытый смысл.

Так поступали, пожалуй, отчасти, оракулы. Но в них искусственно [продельвается] производится то, что должно быть следствием непосредственной дивинации. Больше всего образцов такой речи можно найти, вероятно, в библейских пророчествах...» [6, с. 25–26].

Первый же фрагмент «Интеллектуального дневника» «В каждом великом творении духа необходимо скрыты семена мистического...» передает в форме поэтико-культурфилософского дискурса события Священного Предания (Лк: 24, 25-27; Ин: 19, 30). Фрагмент показателен для анализа поэтики ранней философской прозы Вяч. Иванова, так как двунаправлен: через мистическую тайну распятия и смерти Христа на кресте автор стремится приблизиться к загадке смерти Сократа как «проникновению» «в сущность вещей»²⁶. О близости прозаического дискурса Иванова к поэтическому говорит связь этого текста со стихотворением «Ночь в пустыне», поэтому эстезис здесь, как и в некоторых других случаях, можно считать проективным.

Эстезис может быть воплощен и в визуальном образе. Например, критико-философский фрагмент, основанный на размышлениях о романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, начинается с экфрасиса скульптурного рельефа, изображающего тавроболию языческого бога Митры²⁷. Иванов в Берлинском университете слушал лекции знаменитого историка религий Ф. Кюмона по распространению религии митраизма в древнем язычестве²⁸. Эстезис в форме экфрасиса предшествует метафизическим размышлениям, переходящим в иносказание о трагедии религиозного сознания Достоевского.

Большой интерес в этом плане представляют публикации Иванова в журнале «Весы», где представлены жанровые формы литературных писем, предисловий, рецензий, программных статей-манифестов, речей, заметок, эссе, набросков, мыслей. В «Письме из Женевы» о Международном философском конгрессе, состоявшемся 4 сентября 1904 год, он пишет о том, что определения философии как науки, как и истории, «остались незаконченными» на этом «базаре» «современных эпигонов», «гегельянцев», «фихтеанцев», «позитивистов», «идеалистов» и пр., отмечая лишь отдельные выступления (А. Бергсона, В. Виндельбанда)²⁹. Очевидно, что современное состояние европейской философии как науки не удовлетворяло его. Он ищет продуктивные идеи, которые находит, например, у своего учителя – историка и филолога-классика, препода-

²⁶ См.: Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг. С. 10.

²⁷ Там же. С. 15–16.

²⁸ См.: Иванов В. И. Автобиографическое письмо. С. 17.

²⁹ Иванов Вяч. II-й международный философский конгресс. Письмо из Женевы // Весы. 1904. № 10 (окт.). С. 59–62 [28].

вавшего в Берлинском университете, «быстроокого синтетика» Т. Моммзена (Th. Mommsen, 1817–1903). Это прежде всего, как указывает он, «отвлечение правой идеи, в ее логическом развитии, из нестройной и внутренне нецельной, исторической действительности», умение «мыслить в Риме по-римски», «выхватывать» «зерно-понятие изучаемого явления», «подслушать» до Вагнера «в природе мелодии»³⁰.

Многие статьи-манифесты символизма в журнале «Весы», принадлежащие перу Вяч. Иванова, такие как «Копье Афины», «Ницше и Дионис», «Поэт и Чернь» за 1904 год или «Вагнер и Дионисово действие», «Кризис индивидуализма» за 1905 г., свидетельствуют о том, что на него большое влияние оказали не только идеи Ницше, на что неоднократно обращали внимание исследователи, но и его стиль философствования. Ницше проблематизирует язык философского текста, меняя его «на рациональность чувственно ориентированную», адекватную «импульсам проживаемой мысли»³¹. Свое увлечение Ницше Иванов датировал началом 1890-х г.³² В наброске «О многобожии», вошедшем позже в «Эллинскую религию страдающего бога», в третьей главке он определил его как «пророка Диониса»³³. Этот набросок по структуре, тяготеющей к фрагментации, так как делится на небольшие главки, а также по «чувственно ориентированному» языку, напоминает сочинения Ницше.

Статья Иванова «Ницше и Дионис» открывается эстезисом, который содержит поэтико-мифологизированный пересказ эпизода повести Павсания «Описание Эллады» (кн. VII, гл. XIX, § 6–7). Для Иванова этот текст является «зерном» для истолкования «душевного лабиринта» Ницше. В качестве эстезиса используются также лирико-философские вставки, фрагменты стихотворений, многочисленные отсылки к «чужому слову». Иванов указал на некоторые отличительные черты немецкого философа, определившие стиль его философских сочинений. Это, прежде всего, пророческое безумие, сновидчество, двойственность, «духовное» зрение и «духовный» слух, мифотворчество как эстетические феномены. Как и в сочинениях Ницше, текст статьи носит фрагментированный характер и как бы «собирается» из разнородных текстов, объединенных лейтмотивностью.

Лейтмотивность – принцип, близкий сочинениям Р. Вагнера и Ницше. Показательно, что статья Иванова «Вагнер и Дионисово действие» была откликом на публикацию польского композитора Ф. Остроги, в которой он писал о лейтмотивах Вагнера. Повтор слова-образа, синтаксических конструкций и риторических приемов усиливает знаковую природу текста и его музыкальную природу. Имена-символы выступают как образы-идеи и понятия, философемы, мифологемы. Например, образ боговдохновенной речи Платона был нужен для сравнения с экстатическим образом философствования Ницше как пророка За-

³⁰ См.: Иванов Вяч. О Моммзене. Рецензия// Весы. 1904. № 11 (нояб.). С. 46–48 [29].

³¹ См. об этом: Кребель И.А. Эстетический статус мысли в культуре русского модерна. С. 6.

³² См.: Иванов В. И. Автобиографическое письмо. С. 19.

³³ См.: Иванов Вяч. О многобожии / публ. Г. Карпи // Новое литературное обозрение. 1994. С. 34 [30].

ратустры, хотя в письме к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 13/26 февраля 1902 г. Иванов писал, что немецкий мыслитель лучше бы, «вместо своих афоризмов и евангелия Заратустры, написал бы диалоги, по образцу Платоновых»³⁴. Одним из наиболее значимых в статье «Ницше и Дионис» становится слово-понятие «метанойя» (греч. μετάνοια – перемена, внутреннее перерождение, прозрение), которое приобретает значение религиозно-философской идеи. По словам исследователей, Иванов использует греческое значение слова в первичном его значении («поверните свою волю») и углубляет его в дальнейшем в христианском контексте³⁵.

Рецензии Иванова на рассказ Л. Андреева «Красный смех» или его же повесть «Жизнь Василия Фивейского», на «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока или на сборник Ф. Сологуба «Жало смерти», представляющие его позицию мыслителя в символистских «Весях», свидетельствуют о том, что эти тексты являются образцами литературно-философской критики или философской эссеистики. Например, в статье «О “Красном смехе” и “правом безумии”» проблематика произведения Андреева рассматривается в фокусе идей Ницше, «красный Дионис» становится аналогией «красному смеху» как «духу Войны» и проклятию человечества³⁶. «Душевные волнения большой напряженности, – пишет Иванов, – должны находить разрешение, “очищение”, – по слову древних, в видениях, образах, идеальных созданиях, в ритмах и действиях, в сотворении кумиров, в установлении объективных ценностей, в выработке обязательных сверхиндивидуальных стилевых и бытовых норм, во всех видах культа и почитания» [33, с. 45]. И только религиозная вера как объективация «нашего духа в лики надмирного бытия» может спасти обезумевшего человека и воплотить “надмирную тайну” микрокосма» пишет он³⁷.

В программной для символизма статье «О нисхождении: возвышенное, прекрасное, хаотическое – триада эстетических начал» (Весы. 1905. № 5), которая в книге «По звездам» (1909 г.) была опубликована как «Символика эстетических начал», эстетическое понимается Ивановым, в отличие от Ницше, как начало религиозного преображения души, поэтому им широко вводится в текст статьи библейско-евангельская образность. Она, как и другие топосы, составляет религиозно-философский тезаурус, который дополняется образами-понятиями Ницше и теми, которые возникли в ходе формирования методологии исследования религии Диониса. Это станет стилеобразующей тенденцией в его последующих прозаических сочинениях, вошедших в книги «По звездам» (1909 г.), «Борозды и межи» (1916 г.), «Родное и вселенское» (1918 г.) или от-

³⁴ См.: Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903 / подгот. текста Д.О. Солодкой и Н.А. Богомолова при уч. М. Вахтеля. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. С. 304 [31].

³⁵ См.: Александрова А. Μετάνοια – идея раннего Вячеслава Иванова // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2001. Т. 46. Р. 153–159 [32].

³⁶ См.: Иванов Вяч. О «Красном смехе» и «правом безумии» // Весы. 1905. №3. С. 43–47 [33].

³⁷ Там же. С. 47.

развившихся в «Переписке из двух углов» (1921 г.), созданной совместно с мыслителем М.О. Гершензоном, и составит основание его философской прозы римского периода жизни и творчества.

Таким образом, раннее творчество писателя отразило его искания, связанные с поисками языка философской прозы. Эти искания были направлены на то, чтобы сделать текст произведением искусства и отражением феноменологии символистского сознания. Поэтика философской прозы Иванова отражает процессы, которые происходили в формировании языка литературы и философии на рубеже веков, но они уникальны по интенсивности поиска универсального синтеза. Следует отметить, что в неопубликованных Бакинских лекциях по поэтике за 1921–1922 гг. Иванов отмечал, что «поэтика рассматривается как часть эстетики» со времен Платона и Аристотеля, указывая на значимость философии Гете, Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра. Но, пишет он, «философское рассмотрение поэтики дело, быть может, невозможное»³⁸, так как наступает эпоха расцвета русской формальной школы, психоанализа и других направлений. Вместе с тем его попытка выработать принципы философизации прозы на основе художественности стала ярким звеном в развитии символизма рубежа веков и отразила духовные искания времени.

Список литературы

1. Переписка Д. Мережковского с Вяч. Ивановым / публ. и коммент. М. Цимборска-Лебода, Н. Богомолов // *Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku* / Pod red. W. Skrudny. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1999, p. 81–92.
2. Аверинцев С.С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Лик и личности России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл. и примеч. С.С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. С. 7–24.
3. Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг. / подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фрийдмана // Вячеслава Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 10–61.
4. Иванов Вяч. Тетрадь стихотворений и прозаических этюдов 1887 г. // ОР РГБ. Фонд 109. Карт. 1. Ед. хр. 33. 23 л.
5. Иванов Вяч. Прозаические этюды / подгот. текста С.Д. Титаренко // *Русская литература*. 2011. № 4. С. 45–50.
6. Иванов Вяч. О типическом / публ. М.К. Гидини // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 10. С. 21–26.
7. Иванов Вяч. Евреи и русские / публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 21. С. 182–190.
8. Иванов Вяч. Осенние мысли / публ. С.Д. Титаренко // *Символ*. Париж–Москва, 2008. № 53–54. С. 66–67.
9. Титаренко С.Д. Из ранней прозы Вяч. Иванова 1887 года (к проблеме истоков «Интеллектуального дневника» 1888–1890-х годов) // *Русская литература*. 2011. № 4. С. 38–45.
10. Ныкл Г. Жанровая поэтика философской прозы // *Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы*. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 705–758.
11. Иванов Вяч. Письмо к А.М. Дмитриевскому // ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 30. 5 л.

³⁸ См.: Иванов Вяч. Лекции по поэтике. 1921–1922 (в записях студента О.Г. Тер-Григоряна). Л. 1. Личный архив. Готовятся к публикации К.Ю. Лаппо-Данилевским [34].

12. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 7–360.
13. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, 2001. 880 с.
14. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм: пер. с нем. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
15. Карпи Г. Вяч. Иванов. На пути к страдающему богу // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 27–40.
16. Кребель И.А. Эстетический статус мысли в культуре русского модерна: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2012. 38 с.
17. Грякалов А.А. Эстетика встреч: эстетизм – субъект – свидетель – утверждение // Terra Aestheticae. 2019. № 2(4). С. 85–107.
18. Иванов Вяч. И. Выписка из «Тимея» Платона // РО ИРЛИ. Ф. 607. № 128. 1 л.
19. Титаренко С.Д. К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 402–413.
20. Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вячеслав. Собр. соч. По звездам. Кн. 1. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. С. 166–191.
21. Максимов М.В., Максимова Л.М. Метафизические искания В.С. Соловьева (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.) // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 51–65.
22. Круглов В.Л. Эстетизм и эстетическое: истоки и клише традиции // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 316. С. 32–35.
23. Иванов Вяч. Автобиографическое письмо // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 7–22.
24. Вахтель М. Вячеслав Иванов – студент Берлинского университета // *Chahiers du Monde russe*. 1994. Vol. XXXV (1–2). Janvier-juin. P. 353–376.
25. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
26. Любимова Т.Б. Стилизация как способ философствования в России // Начала. 1994. № 2–4. С. 203–213.
27. Аверинцев С.С. Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis*. XXI. 2002. Vol. 1. Salerno: Università di Salerno, 2002. P. 11–26.
28. Иванов Вяч. II-й международный философский конгресс. Письмо из Женевы // *Весы*. 1904. № 10. С. 59–62.
29. Иванов Вяч. О Моммзене. Рецензия // *Весы*. 1904. № 11 (нояб.). С. 46–48.
30. Иванов Вяч. О многобожии / публ. Г. Карпи // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 27–40.
31. Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903 / подгот. текста Д.О. Солодковой и Н.А. Богомолова при уч. М. Вахтеля. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 568 с.
32. Александрова А. *Μετάνοια* — идея раннего Вячеслава Иванова // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2001. Т. 46. P. 153–159.
33. Иванов Вяч. О «Красном смехе» и «правом безумии» // *Весы*. 1905. № 3. С. 43–47.
34. Иванов Вяч. Лекции по поэтике. 1921–1922 (в записях студента О.Г. Тер-Григоряна). 35 с. Личный архив. Готовятся к публикации К.Ю. Лаппо-Данилевским.

References

(Sources)

Collected Works

1. Ivanov, Vyach. *Avtobiograficheskoe pis'mo* [Autobiographical Writing], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy*. T. 2 [Complete Works. Vol. 2]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1974, pp. 7–22.

2. Ivanov, V.I. Dve stikhi v sovremennom simbolizme [Two Elements in the Modern Symbolism], in Ivanov, Vyacheslav. *Sobranie sochineniy. Po zvezdam. Kn. 1* [Complete Works. By the Stars. Book 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2018, pp. 166–191.

3. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Critics of Unrelated Basics], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 3* [Complete Collection of Works in 20 vol., vol. 3]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 7–360.

Individual works

4. Ivanov, Vyach. Intellektual'nyy dnevnik. 1888–1889 gg. [Intellectual Diary. 1888–1889], in Vyacheslav Ivanov. *Arkhivnye materialy i issledovaniya* [Vyacheslav Ivanov. Archival Materials and Research]. Moscow: Russkie slovari, 1999. 488 p.

5. Ivanov, Vyach. Prozaicheskie etyudy [Prosaic Sketches], in *Russkaya literatura*, 2011, no. 4, pp. 45–50.

6. Ivanov, Vyach. O tipicheskom [About Typical], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 21–26.

7. Ivanov, Vyach. O mnogobozhii [About Polytheism], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 27–40.

8. Ivanov, Vyach. Osenne mysli [Autumn Thoughts], in *Simvol*, Paris-Moscow, 2008, no. 53–54, pp. 66–67.

9. Ivanov, Vyach. Tetrad' stikhotvoreniy i prozaicheskikh etyudov 1887 g. [Notebook of Poems and Prosaic Sketches of 1887], in *Manuscripts Dept. of Russian State Library*. F. 109, k. 1, no. 33, 5 pp.

10. Ivanov, Vyach. Pis'mo k A.M. Dmitrevskomu [A Letter to A.M. Dmitrievsky], in *Manuscripts Dept. of Russian State Library*. F. 109, k. 9, no. 30, 5 pp.

11. Ivanov, Vyach. Vypiska iz «Timeya» Platona [Extract from Plato's "Timaeus"], in *Manuscripts Dept. of Institute of Russian Literature*. F. 607. No. 128, 1 p.

12. Ivanov, V. II-y mezhdunarodnyy filosofskiy kongress. Pis'mo iz Zhenevy [Second International Philosophical Congress. A Letter from Geneva], in *Vesy*, 1904, no. 10, pp. 59–62.

13. Ivanov, V. O Mommzene. Retenziya [About Mommsen. Review], in *Vesy*, 1904. no. 11, pp. 46–48.

14. Ivanov, V. O «Krasnom smekhe» i «pravom bezumii» [About “Red Laughter” and “Right Madness”], in *Vesy*, 1905, no. 3, pp. 43–47.

15. Ivanov, V. *Lektsii po poetike. 1921–1922 (v zapisyakh studenta O.G. Ter-Grigoryana)* [Ivanov Vyach. Lectures on poetics. 1921–1922 (in the Writings of a student O.G. Ter-Grigoryan)]. 35 p. Personal archive. Ready to be Published by K.U. Lappo-Danilevsky.

16. Ivanov, Vyacheslav, Zinov'eva-Annibal, Lidiya. *Perepiska: 1894–1903 в 2 m., m. 1* [Correspondence: 1894–1903 in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 568 p.

17. Perepiska D. Merezhkovskogo s Vyach. Ivanovym [Correspondence of D. Merezhkovsky and Vyach. Ivanov], in *Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku*. Warszawa: Instytut Rysycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1999, pp. 81–92.

(Articles from Scientific Journals)

18. Averintsev, S.S. Strategiya tsitaty v poezii Vyacheslava Ivanova [Quote Strategy in Vyacheslav Ivanov's Poetry], in *Europa Orientalis. XXI. 2002. Vol. 1*. Salerno: Università di Salerno, 2002. P. 11–26.

19. Aleksandrova, A. Μετάνοια – ideya rannego Vyacheslava Ivanova [Μετάνοια – an Idea of Early Vyacheslav Ivanov], in *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2001, vol. 46, pp. 153–159.

20. Gryakalov, A.A. Estetika vstrech: estezis – sub"ekt – svidetel' – utverzhenie [Aesthetics of Meetings: Estesis – Subject–Witness – Approval], in *Terra Aestheticae*, 2019, no. 2(4), pp. 85–107.

21. Karpi, G. Vyach. Ivanov. Na puti k stradayushchemu bogu [Vyach. Ivanov. On the Way to the Suffering God], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 27–40.

22. Kruglov, V.L. Estezis i esteticheskoe: istoki i klishe traditsii [Esthesis and Aesthetic: Sources and Cliché of the Tradition], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta*, 2008, no. 316, pp. 32–35.

23. Lappo-Danilevskiy, K.Yu. Nabrosok Vyach. Ivanova «Evrei i russkie» [Vyacheslav Ivanov's Sketch "Jews and Russians"], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1996, no. 21, pp. 182–190.

24. Maksimov, M.V., Maksimova, L.M. Metafizicheskie iskanija V.S. Solov'eva (konets 70-kh – nachalo 80-kh gg. XIX v.) [Metaphysical Search of V.S. Solovyov (the End of 70s – Beginning of 80s of the 19 Century)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, no. 2(46), pp. 51–65.

25. Titarenko, S.D. Iz ranney prozy Vyach. Ivanova 1887 goda (k probleme istokov «Intel'kual'nogo dnevnika» 1888–1890-kh godov) [From the Early Prose of Vyach. Ivanov in 1887 (to the Problem of the Sources of the "Intellectual Diary")], in *Russkaya literatura*, 2011, no. 4, pp. 38–45.

26. Vakhtel', M. Vyacheslav Ivanov – student Berlinskogo universiteta [Vyacheslav Ivanov – a Student of Berlin University], in *Chahiers du Monde russe*, 1994, vol. XXXV (1–2), Janvier-juin, pp. 353–376.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

27. Averintsev, S.S. Raznorechiya i svyaznost' mysli Vyacheslava Ivanova [Divergences and Coherence of Vyacheslav Ivanov's Thought], in *Vyacheslav Ivanov. Lik i lichiny Rossii. Estetika i literaturnaya teoriya* [Vyacheslav Ivanov. Face and Guise of Russia. Aesthetics and Literary Theory]. Moscow: Iskusstvo, 1995, pp. 7–24.

28. Lyubimova, T.B. Stilizatsiya kak sposob filosofstvovaniya v Rossii [Stylization as a Way of Philosophizing in Russia], in *Nachala*, 1994, no. 2–4, pp. 203–213.

29. Nykl, G. Zhanrovaya poetika filosofskoy prozy [Genre Poetics of the Philosophical Prose], in *Poetika russkoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza* [Poetics of the Russian Literature at the End of the 19 – Beginning of the 20 Century. Dynamics of Genre. Common Problems. Prose]. Moscow: IMLI RAN, 2009, pp. 705–758.

30. Titarenko, S.D. K istolkovaniyu zametok Vyacheslava Ivanova na polyakh dialoga Platona «Fedr» [To the Interpretation of Notes by Vyacheslav Ivanov in the Margins of Plato's Dialogue "Phaedrus"], in *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy. Vyp. 1* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials, Issue 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2010, pp. 402–413.

(Monographs)

31. Khanzen-Leve, A. *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Ranniy simvolizm* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motifs. Early Symbolism]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1999. 512 p.

32. Losev, A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika* [History of the Ancient Aesthetics. Aristotle and the Late Classics]. Moscow: Iskusstvo, 1975. 776 p.

33. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2001. 880 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

34. Krebel', I.A. *Esteticheskij status mysli v kul'ture russkogo moderna*. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [The aesthetic status of thought in the culture of Russian Art Nouveau. Abstr. Dr. philol. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 2012. 38 p.